

Архимандритъ Савва Тихомировъ, ректоръ Московской духовной семинаріи

(къ столѣтнему юбилею семинаріи).

Въ текущемъ году (1-го Ноября) исполняется столѣтній юбилей Московской духовной семинаріи. Въ теченіе вѣкового періода своей прошлой исторической жизни Московская духовная семинарія находилась подъ непосредственнымъ и ближайшимъ управленіемъ двадцати двухъ, преемственно смѣнявшихся, ректоровъ, управлявшихъ заведеніемъ, за исключеніемъ одного лишь—протоіерея Николая Васильевича Благоразумова,*)—въ санѣ архимандрита.

Въ числѣ ихъ одиннадцатымъ по счету былъ архимандритъ Савва Тихомировъ, управлявшій семинаріею съ 1859 по 1861 г. и скончавшійся въ санѣ архіепископа Тверского и Кашиинскаго 13-го Октября

*) Протоіерей Николай Васильевичъ Благоразумовъ (съ 1867 г.) уроженецъ пензенской епархіи—сынъ священника. Магистръ 24-го курса Петроградской духовной Академіи 1861 г. Съ Января 1862 г. наставникъ Московской духовной семинаріи. Съ Декабря 1863 г. священникъ семинарской церкви; съ іюня 1868 г.—священникъ и законоучитель второй военной гимназій въ Москвѣ (нынѣ 2-й кадетскій корпусъ). Съ Сентября 1869 г.—протоіерей и ректоръ Московской духовной семинаріи. Онъ вступилъ въ должность ректора Московской семинаріи не по назначенію начальства, а по избранію наставниковъ семинаріи и представителей Московскаго духовенства. Службѣ въ семинаріи Н. В. Благоразумовъ посвятилъ тридцать лѣтъ лучшей поры своей жизни. Онъ скончался 22-го Декабря 1907 г. въ должности Настоятеля придворнаго Верхоспаскаго собора и благочиннаго Московскихъ придворныхъ соборовъ и церквей. Былъ духовникомъ ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ Бозѣ почившаго Великаго князя—мученика Сергія Александровича, супруги его великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, а позднѣе дѣтѣй Великаго князя Павла Александровича, великой княжны Маріи Павловны и брата ея великаго князя Дмитрія Павловича. О протоіерейъ Благоразумовѣ см. нашу статью въ Р. А. 1908 г. кн. II, и брошюру „Памяти Наставника нашего бывшаго ректора М. д. с. Н. В. Благоразумова. Москва“, 1907 г.

1896 года. Несмотря на кратковременность своего пребывания въ семинаріи въ должности ректора, высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Савва оставилъ по себѣ замѣтные слѣды въ исторической жизни школы и потому считается небезынтереснымъ, въ виду столѣтняго юбилея семинаріи, отмѣтить нѣкоторыя черты дѣятельности этого дѣятеля, стяжавшаго себѣ въ послѣдствіи обширную извѣстность своими учено-административными трудами на поприщѣ высшаго церковнаго служенія въ епископскомъ санѣ въ разныхъ епархіяхъ Россіи. Архіепископъ Савва Тихомировъ—въ міру Иванъ Михайловичъ Тихомировъ—сынъ бѣднаго причетника села Палихи, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской епархіи. Родился 15-го Марта 1819 г. Савва обучался въ мѣстной Владимірской духовной семинаріи и высшее образованіе закончилъ въ 1850 г. въ Московской духовной Академіи со степенью Магистра 17-го курса Академіи. По окончаніи Академическаго курса, постригшись въ монашество еще студентомъ, іеромонахъ Савва назначенъ былъ на должность ризничаго въ Московской Патріаршей и Синодальной ризницѣ. Въ 1855 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а съ 1859 г. назначенъ на должность ректора Московской духовной семинаріи. Извѣстный въ Бозѣ почившему Московскому святителю Филарету еще со студенческой скамьи и по его желанію и указанію назначенный на должность Синодальнаго ризничаго, архимандритъ Савва, по благоусмотрѣнію того же мудраго архипастыря, назначенъ былъ и на должность ректора Московской духовной семинаріи. О своемъ назначеніи на послѣднюю должность высокопреосвященнѣйшій Савва въ послѣдствіи сообщалъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ¹⁾, вышедшихъ въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, слѣдующее: „Прошло около двухъ недѣль со дня хиротоніи ректора Московской духовной семинаріи архимандрита Леонида²⁾ во епископа Дмитровскаго, а о преемникѣ его по должности ректорской положительныхъ свѣдѣній еще не было.

1) Хропика моей жизни. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы архіепископа Тверскаго и Кашинскаго. Томъ II-й, Святотроицкая Сергіева Лавра, 1899 г.

2) Леонидъ Красноуфковъ (1853—1859 г.) въ мірѣ Левъ Васильевичъ Красноуфковъ изъ аристократическаго дворянскаго рода. Обучался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. Магистръ 13-го курса Московской духовной Академіи 1842 г. Съ того же года профессоръ Виенской духовной семинаріи, въ 1845 г. постриженъ въ монашество. Съ 1848 г. бакалавръ Московской Академіи; съ 1849 г. ректоръ Виенской семинаріи, а 1853 г. Московскій архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря и членъ Московской духовной Консисторіи. Съ 1859 г. епископъ Дмитровскій, викарій Московскій. Въ 1876 г. назначенъ архіепископомъ Ярославскимъ и въ томъ же году скончался. О немъ см. книгу высокопреосвящ. Саввы. „Воспоминанія о Леонидѣ архіеписк. Ярославскомъ.“ Харьковъ, 1877 г.

Въ Маѣ 1859 года новорукоположенному епископу Митрополитъ предложилъ отправиться въ Николо-Перервинскій монастырь (въ 7 в. отъ Москвы) для празднованія тамъ 9-го Мая храмоваго праздника. Преосвященный Леонидъ пригласилъ съ собою на праздникъ Синодальнаго ризничаго архимандрита Савву, послѣдній ему былъ очень радъ; но когда Леонидъ доложилъ объ этомъ митрополиту, Владыко сказалъ: „Онъ (т. е. Савва) мнѣ понадобится.“ Это было 7-го числа. Преосвященный передалъ эти слова Саввѣ. Послѣдній подумалъ, что на слѣдующій день, т. е. 8-го числа, будетъ гдѣ либо архіерейское служеніе и онъ, Савва, будетъ на оное назначенъ. Между тѣмъ 8-го числа не было никакого архіерейскаго служенія. „Я не утерпѣлъ,—рассказываетъ о себѣ Савва,—около 12 ч. отправился въ этотъ день на Троицкое подворье. Вхожу въ переднюю и вижу Митрополитъ изъ залы провожаетъ оберъ-прокурора графа А. П. Толстого, который въ это время былъ въ Москвѣ. Мое появленіе въ передней, какъ я примѣтилъ, показалось Владыкѣ непріятнымъ. Проводивъ важнаго гостя, онъ позвалъ меня въ боковую отъ залы комнату. „Что скажешь?“—спрашиваетъ меня сердитымъ тономъ.—Я пришелъ просить благословенія Вашего Высокопреосвященства отправиться мнѣ съ преосвященнымъ Леонидомъ на Перерву, смиренно отвѣчалъ я.

„Да вѣдь я сказалъ, что ты мнѣ понадобишься. Ну, а если хочешь, ступай.“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, безъ вашего благословенія я вовсе не намѣренъ ѣхать,—и съ этими словами я вышелъ отъ Митрополита въ тяжеломъ раздумьѣ, отправился въ Заиконоспасскій монастырь, чтобы сообщить о своемъ разговорѣ съ Владыкою преосвященному Леониду. Вечеромъ объяснилась эта загадка.

„Передъ всенощной, часа въ четыре пополудни, является ко мнѣ въ Синодальный домъ инспекторъ семинаріи архимандритъ Никодимъ*) съ приглашеніемъ, по приказанію Владыки, на служеніе съ Его Высокопреосвященствомъ на слѣдующій день въ семинарской церкви, по случаю храмоваго въ ней праздника. Явился я въ назначенный

*) Влокуровъ—изъ Влоанской семинаріи. Магистръ 18-го курса Московской Академіи 1852 г. Съ того же года профессоръ семинаріи въ Вологдѣ, гдѣ и постригся въ монашество въ 1853 г. Съ Ноября того же года инспекторъ—Влоанской, а съ Января 1853 г. Московской семинаріи. Съ 1862 г. ректоръ Влоанской, а съ 1866 г. Московской семинаріи. Въ 1869 г. оставилъ должность ректора и назначенъ настоятелемъ Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ. Съ 1873 г. намѣстникъ Александро-Невской Лавры, съ 1875 епископъ Старорусскій, викарій Новгородской Митрополіи. Съ 1876 г. епископъ Дмитровскій, викарій Московскій. Скончался въ 1877 г.

часть, литургія совершена съ обычною торжественностію, послѣ обѣдни владыко удостоилъ своимъ посѣщеніемъ домъ семинарскаго старосты, богатаго и гостепріимнаго купца Н. П. Ильина*), куда и мы всѣ были приглашены къ обѣду. Владыко, сидя на диванѣ, подзвалъ меня къ себѣ и тихо изволилъ сказать мнѣ: „Приходи ко мнѣ въ половинѣ второго обѣдать.“ Приказаніе, разумѣется, исполнено: являюсь въ урочный часъ на Троицкое Подворье. Вхожу въ столовую комнату, а владыко поетъ изъ своего кабинета, держа въ рукѣ небольшой листъ почтовой бумаги. Когда я подошелъ къ Его Высокопреосвященству, чтобы принять отъ него благословеніе, онъ подалъ мнѣ листъ, сказавъ: „прочитай.“ Читаю и вижу, что это писано къ оберъ-прокурору святѣйшаго Синода, гдѣ изложено ходатайство о назначеніи меня ректоромъ Московской Семинаріи.

„Прочитавши письмо, я поклонился Его Высокопреосвященству до земли и поблагодарилъ за его архипастырское ко мнѣ вниманіе; между тѣмъ сердце мое дрогнуло. Сѣли за столъ и владыко очень милостиво со мною бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ.

„Послѣ обѣда прямо съ Троицкаго подворья поспѣшилъ къ оберъ-прокурору, графу А. П. Толстому, который на эту пору былъ въ Москвѣ и которому былъ уже извѣстенъ я по своимъ археологическимъ изданіямъ. Я обратился къ графу съ просьбою отклонить отъ меня назначеніе на ректорскую должность въ Московскую семинарію и оставить до времени на прежней должности. Графъ сначала склонился было на мою просьбу; но потомъ, подумавши, сказалъ: „Нѣтъ, о. архимандритъ, митрополитъ разгнѣвается на васъ, совѣтую вамъ покориться его волѣ и принять предлагаемую вамъ должность. Дѣлать было нечего: нужно было покориться и со смиреніемъ принять новую должность“.

Повидимому не одно только побужденіе—желаніе посвятить себя научнымъ занятіямъ въ Синодальной ризницѣ руководило ризничимъ

*) Отецъ и сынъ Николаѣ Петровичъ и Петръ Николаевичъ Ильины—купцы ка-ретники, домъ которыхъ примыкаетъ къ зданіямъ семинаріи. Преемственно состояли въ теченіи времени свыше тридцати лѣтъ ктиторами семинаріи храма. Трудолюбно, по купчески, исполняя свою должность въ теченіе столь продолжительнаго времени, они, между прочимъ, не обезнечили семинарскаго храма денежными средствами,—хотя сами и обладали ими всегда. Есть въ семинарской ризницѣ иконы и облаченія, жертвованныя семействомъ Ильиныхъ—на незначительныя суммы, но болѣе существенными пожертвованіями они доселѣ не ознаменовали свое сосѣдство и многолѣтнее распоряженіе скуднаго денежными средствами семинарскаго храма,—храмовыми деньгами. Впрочемъ, все семейство Ильиныхъ и до настоящихъ дней посѣщаетъ семинарскую церковь за богослуженіемъ и считается, какъ это было и всегда раньше, почетными прихожанами храма.

архимандритомъ Саввою въ его на первый взглядъ странномъ упорствѣ и нежеланіи принять предлагаемую должность ректора семинаріи. Кажется, что больше всего онъ руководился въ данномъ случаѣ страхомъ предстоящаго труда въ новой дѣятельности. Московская духовная семинарія находилась тогда далеко въ неблагоустроенномъ состояніи, что очень хорошо извѣстно было Саввѣ изъ устъ его предшественника по должности ректора архимандрита Леонида¹⁾. Извѣстно, что около этого времени съ особенною быстротою стали всюду распространяться зловредныя нигилистическія идеи. Не были застрахованы отъ нихъ и наши духовныя школы, какъ высшія, такъ и среднія, въ особенности въ столичныхъ и вообще въ университетскихъ городахъ. Не составляла исключенія въ этомъ отношеніи и Московская духовная семинарія. Ученики ея вольничали, а нѣкоторые изъ молодыхъ наставниковъ либеральничали. Ректоръ все это видѣлъ и не зналъ, что дѣлать. Доносить Митрополиту боялся, не желая его огорчить. Убѣжденія и собственный примѣръ сего не достигали въполнѣ цѣли; онъ душевно скорбѣлъ, раздражался и постоянно жаловался на свое безсиліе сладить съ семинаріей. Чтобы не видѣть ежедневныхъ безпорядковъ въ семинаріи и не раздражаться къ крайнему вреду своего здоровья, предшественникъ Саввы архимандритъ Леонидъ удалился въ свою мирную Заиконоспаскую обитель, и тамъ проводилъ по нѣскольку дней сряду, упражняясь въ молитвѣ и душеполезномъ чтеніи. Что же въ это время происходило въ семинаріи? Классовъ почти не было; наставники, собравшись въ профессорскую комнату, разсуждали о политикѣ, а ученики бродили по корридорамъ и курили табакъ. Случалось, что иные наставники, жившіе внѣ семинаріи, для того, чтобы не обременять себя ежедневнымъ хожденіемъ въ школу, пришедши разъ въ недѣлю, расписывали и подписывали въ классномъ журналѣ на нѣсколько дней впередъ уроки, и затѣмъ спокойно пребывали въ своихъ квартирахъ. Въ такомъ то состояніи вновь назначенный ректоръ архимандритъ Савва и долженъ былъ принять поручавшуюся теперь его непосредственному руководству Московскую духовную семинарію. Многие изъ близкихъ къ архимандриту Саввѣ лицъ спѣшили ободрить его при вступленіи въ управление Московскою семинаріею. „Отъ души желаю и молю Господа,—писалъ Саввѣ ректоръ Виѣанской семинаріи архимандритъ Игнатій²⁾, по полученіи извѣстія о назначеніи перваго ректо-

¹⁾ О тогдашнемъ состояніи Московской духовной семинаріи выѣстъ съ характеристикою начальствующихъ лицъ и педагогическаго персонала весьма любопытныя свѣдѣнія сообщаются въ Воспоминаніяхъ О. А. Гилярова, помѣщавшихся въ Русскомъ Архивѣ за 1904 г., т. 1-й и 2-й.

²⁾ Рождественскій. О немъ см. Р. Арх., 1914 г., II, стр. 98, примѣчаніе.

ромъ Московской семинаріи,—да благословить Ваши всѣ начинанія входы и исходы къ устроению истиннаго блага духовныхъ питомцевъ царствующаго града, которые имѣютъ еще отъ попеченія родителей не мало хорошихъ сторонъ въ жизни, и которые всегда готовы слѣдовать доброму руководству...

„Дай Богъ, чтобы доброе начало привело васъ къ тому, къ чему приведенъ былъ вашъ предшественникъ т. е. къ кафедрѣ Дмитровской, а паче всего къ вѣчному спасенію.“

„Отъ искренняго сердца,—писалъ тогда же ректоръ Московской духовной Академіи архимандритъ Сергій¹⁾),—привѣтствую васъ съ новымъ назначеніемъ и радуюсь, что вы призваны къ духовно училищной службѣ, гдѣ ваша опытность, ваши познанія, ваше содѣйствіе просвѣщенію духовному принесутъ, конечно, великую пользу. Я думаю, что вы теперь поставлены тоже, гдѣ вы больше нужны. Полагаю, что вы очень хорошо знаете и духъ Московской семинаріи и существенныя ея потребности, и взгляды на нее лицъ постороннихъ. Кромѣ того и ваши учено-литературныя предпріятія теперь не останутся неисполненными. Остается желать и молитвенно желаю да благопоспѣшитъ вамъ Богъ²⁾.“

„Да поможетъ вамъ Господь,—писалъ Саввѣ инспекторъ той же Академіи архимандритъ Порфирій³⁾),—и въ приготовленіи юношества къ духовному служенію, а ввѣряемое вамъ юношество, при полной внимательности и послушаніи къ вамъ, да сохранитъ навсегда въ сердцахъ своихъ глубокую признательность за всѣ отеческія попеченія, какія вы будете прилагать для достиженія, какъ ихъ собственной пользы, такъ и блага православной церкви. При семъ условіи новая должность можетъ принести вамъ одни радости и утѣшенія; а это и составляетъ предметъ усердѣйшихъ желаній.“—„Душевно обрадованный вѣстію,—поздравляя⁴⁾), наконецъ, архимандрита Савву профессоръ Академіи С. К. Смирновъ⁵⁾),—о повѣмъ назначеніи вашемъ, имѣю честь поздравить васъ съ давножелаемымъ и неоднократно предвѣщаемымъ мною вступленіемъ вашимъ на путь управленія семинаріею, и желаю

1) Сергій Ляшневскій—внѣдствіи митрополитъ Московскій.

2) Порфирій Поновъ—товарищъ Саввы по Академіи. Началъ службу бакалавромъ въ Академіи.

3) Хроника моей жизни, т. 2-й, стр. 465—467.

4) Тамъ же.

5) Сергій Константиновичъ. См. Русск. Архивъ, 1914, II, стр. 108, примѣч. 4-е.

вамъ новыхъ силъ духа имѣть къ прохожденію новаго многотруднаго служенія вашего. Убѣжденіе, что вы получите теперь занятое вами мѣсто, не покидало меня во все время со дня послѣдняго свиданія нашего въ Москвѣ. Радуюсь, и паки реку радуюсь о васъ и о всѣхъ подчиненныхъ вамъ.“

Напутствуемый столь ободряющими благопожеланіями близкихъ къ нему лицъ, Савва вступилъ въ должность ректора Московской духовной семинаріи, получивъ въ послѣднихъ числахъ Мая указъ Святейшаго Синода о назначеніи его ректоромъ Московской духовной семинаріи. Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ поручилъ преосвященному Леониду ввести установленнымъ порядкомъ новаго ректора въ отправленіе имъ должности. 3-го Іюня 1859 г. въ семинарской церкви, въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учениковъ семинаріи ректоръ Савва былъ приведенъ къ присягѣ. „Въ этотъ моментъ,— пишетъ онъ о себѣ,— я испыталъ сильное душевное волненіе. Мнѣ извѣстно было неприязненное настроеніе противъ меня подъ вліяніемъ профессора Бѣляева*), нѣкоторой части семинарскихъ наставниковъ. Я слышалъ даже, что эта партія единомышленниковъ Бѣляева хотѣла протестовать противъ моего назначенія на должность ректора.“ Подробности о своемъ вступленіи въ должность ректора Савва писалъ ректору Академіи архимандриту Сергію въ отвѣтъ на его вышеизложенное привѣтствіе.

„Это (т. е. вступленіе въ должность ректора),— писалъ Савва,— произошло слѣдующимъ образомъ: на другой день по возвращеніи моемъ изъ Лавры, это было въ среду 30-го числа, утромъ, явился я къ преосвященному викарію въ Законспасекій монастырь, и откуда, вмѣстѣ съ его преосвященствомъ, въ 12 ч. отправились мы въ семинарію, гдѣ встрѣчены были инспекторомъ и прочими наставниками при входѣ въ церковь, гдѣ собраны были всѣ ученики; преосвященный встрѣченъ былъ съ крестомъ и св. водой; затѣмъ вошедши въ церковь и приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, его преосвященство подвелъ меня къ наставникамъ семинаріи и начальникамъ училищъ и отрекомендовалъ мнѣ ихъ. Вслѣдъ за симъ предложено было мнѣ прочитатъ присягу. Признаюсь принесеніе клятвы предъ алтаремъ храма въ присутствіи всѣхъ моихъ подчиненныхъ, при представленіи тѣхъ трудностей, какія

*) Илья Васильевичъ Бѣляевъ (1853—1860 г.) однокуреникъ ректора Саввы по Московской Академіи. Магистръ того же 17-го курса—изъ воспитанниковъ Московской же семинаріи. Съ 1852 г. профессоръ гражданской, всеобщей и русской исторіи въ Московской семинаріи. Скончался здѣсь же въ 1867 г.

предстояли мнѣ на новомъ поприщѣ, до того потрясло все мое существо, что я не могъ удержаться отъ слезъ. Затѣмъ, о. инспекторъ съ соборнымъ іереемъ семинарской церкви началъ молебенъ свят. Николаю, храмовому святому съ обычнымъ многолѣтіемъ Св. Синоду, высокопреосв. Митрополиту, преосвящ. викарію и др. По окончаніи молебна, преосвященный снова подвелъ меня къ наставникамъ и приказалъ мнѣ благословить ихъ и дать имъ братское лобзаніе мира и любви; затѣмъ подошедши къ ученикамъ преосвященный преподавалъ имъ краткое наставленіе о покорности новому начальнику. Послѣ сего пока казеннаго мотива ученики собрались въ столовую, мы зашли въ бібліотеку. Отсюда, черезъ столовую, гдѣ преосвященный благословилъ ученикамъ трапезу, прибыли мы въ ректорскіе покои, гдѣ приготовленъ былъ чай и завтракъ, за коимъ провозглашены были тосты за здравіе высокопреосвящ. Митрополита, преосвящ. викарія, и новаго ректора. Проводивъ преосвященнаго викарія изъ семинаріи, я остался на короткое время здѣсь, чтобы сдѣлать распоряженіе относительно слѣдующаго дня. На другой день прежде всего свидѣтельствованы были семинарскія суммы, затѣмъ осмотрѣны зданія и пр. и такимъ образомъ началась моя новая служба и продолжается обычнымъ порядкомъ.“

Сдѣлавшись преемникомъ преосвященнаго Леонида по должности ректора Московской семинаріи, архимандритъ Савва думалъ, что если онъ не будетъ преемникомъ его по Заиконоспасскому монастырю, который по всей справедливости долженъ былъ принадлежать ректору Академіи, то во всякомъ случаѣ, получить въ управленіе монастырь Высокопетровской. Но, къ крайнему его огорченію и къ общему удивленію, онъ не только не получилъ Высокопетровскаго монастыря, но и никакого. Не бывало еще примѣра доселѣ, чтобы ректоръ Московской семинаріи оставался безъ монастыря. Не могъ угадать ректоръ Савва какая мысль руководила при этомъ высокопреосвящ. митрополитомъ Филаретомъ. Считалъ ли онъ его недостойнымъ настоятельства или хотѣлъ за что нибудь поучить. Какъ бы то ни было, однако, на новой должности и притомъ высшей, сравнительно съ прежнею, ректоръ Савва сталъ получать столько же, сколько и прежде, т. е. 800 руб. Вступивши въ должность ректора, Савва поспѣшилъ увѣдомить о томъ высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета, находившагося въ это время въ Троицкой Лаврѣ по случаю ея храмоваго праздника и ради академическихъ экзаменовъ. 6-го Іюня онъ писалъ митрополиту: „Независимо отъ офіціального донесенія Вашему Высокопреосвященству о моемъ вступленіи въ должность ректора Москов. дух. семинаріи, я вмѣняю себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія Вашего Высо-

копреосвященства, что, согласно съ резолюціею Вашего Высокопреосвященства, введенъ я въ семинарію преосвященнымъ викаріемъ 3-го сего Іюня и вслѣдъ затѣмъ приступилъ къ приему оной.

„Съ чувствомъ глубочайшей благодарности къ вашему в-ву принялъ я должность, но не безъ смущенія и трепета сердечнаго вступалъ въ нее; всего болѣе страшила меня мысль, оправдаю ли я ту лестную и утѣшительную для меня довѣренность, какую ваше в-во благоволили явить мнѣ чрезъ избраніе меня на столь важное служеніе.

„Свидѣтельствуюсь моею совѣстію, что ревность и готовность къ полезной дѣятельности имѣю; но успѣха въ дѣлахъ моихъ ожидаю отъ помощи Божіей и отъ вашего мудраго архипастырскаго руководства.“

Черезъ два дня, т. е. 8-го Іюня, Савва-ректоръ снова писалъ митрополиту и испрашивалъ архипастырскаго Его В-ва наставленія въ слѣдующемъ, казавшемся ректору недоумѣннымъ вопросъ, который предсталъ предъ нимъ въ первые дни по вступленіи его въ отправленіе ректорской должности.

„Памятуя данное мнѣ вашимъ высокопреосв. милостивое дозволеніе обращаться за разрѣшеніемъ всѣхъ моихъ недоумѣній къ вашему в-ву, смѣшу воспользоваться симъ дозволеніемъ. На первый разъ встрѣтились мнѣ слѣдующіе неудоборѣшимые для меня вопросы:

„1. Профессоръ семинаріи Ілья Бѣляевъ словесно объяснилъ мнѣ, что онъ по болѣзненному состоянію своему и по совѣту пользовавшаго его врача имѣетъ нужду для поправленія своего здоровья, отправится на два мѣсяца Іюль и Августъ за границу, именно въ Карльсбадъ, чтобы пользоваться тамъ минеральными водами, а потому намѣренъ обратиться съ прошеніемъ въ семинарское правленіе объ исходатайствованіи ему начальственнаго—на сіе разрѣшенія. Но прежде чѣмъ будетъ принято отъ профессора Бѣяева прошеніе, я долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего в-ва и нижайше испрашиваю въ настоящемъ случаѣ вашего архипастырскаго наставленія.“

Означенное письмо ректора возвращено было ему 9-го числа съ слѣдующею въ высшей степени любопытною архипастырскою резолюціею: „До сихъ поръ наша братія находила здоровье дома. Но если врачъ требуетъ отъ больного путешествія за границу, пусть будетъ просьба, и будетъ разсмотрѣна.“

Первымъ дѣломъ новаго ректора семинаріи, по вступленіи его въ должность, было его присутствіе на частныхъ испытаніяхъ воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ, начавшееся съ половины Іюня. Онъ присутствовалъ на нихъ каждый день и успѣхи учениковъ на первыхъ порахъ далеко не радовали его. Около этого времени сильно уже были распространены въ Русской литературѣ толки о механическомъ затверживаніи уроковъ въ школахъ, особенно духовныхъ. Поэтому наставники семинаріи старались внушить ученикамъ, чтобы они сознательно усваивали преподаваемые имъ уроки, не затверживая ихъ только на память; между тѣмъ у самихъ наставниковъ не было ни усердія, ни охоты изъяснять ученикамъ, какъ должно, преподаваемые имъ уроки. Слѣдствіемъ сего было то, что ученики ни буквально не затверживали по учебникамъ уроковъ, ни своими словами не могли свободно передавать ихъ содержаніе, такъ какъ не были достаточно развиты ихъ понятія. Не показались новому ректору семинаріи удовлетворительными и письменныя ученическія упражненія. Много, очень много предстояло ему заботъ и усилій къ возвышенію умственнаго образованія вѣреннаго его попеченію духовнаго юношества. Неутѣшительно представилась ректору и нравственная сторона юныхъ питомцевъ. Прежде всего поразила его въ высшей степени развитая между ними склонность къ куренію табака; по всѣмъ корридорамъ семинарскимъ съ утра до ночи столбомъ стоялъ табачный дымъ. Замѣтенъ былъ также въ ученикахъ крайній недостатокъ почтительности и уваженія къ наставникамъ и даже начальникамъ. Этотъ нетерпимый въ учебно-воспитательномъ заведеніи духъ водворяли однако жъ между учениками и внушеніями и собственными примѣрами нѣкоторые изъ наставниковъ, особенно тѣ, кои получили образованіе въ Петроградской Академіи, какъ напримѣръ Преображенскій,¹⁾ или были въ Петроградѣ на службѣ, какъ напр. Бѣляевъ²⁾. Эти петроградцы внесли разладъ и раздоръ въ самую наставническую корпорацію.

Въ первый годъ ректорства Саввы посѣтилъ экзамены въ семинаріи и высокопреосвященный святитель Филаретъ; онъ остался доволенъ отвѣтами учениковъ, что ректоръ Савва выводилъ изъ того, что ему, какъ начальнику заведенія, не было сдѣлано никакого замѣчанія.

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ, магистръ XIX курса Петроградской духовной Академіи, выпуска 1851 года. Священникъ, а затѣмъ Протоіерей Московской Оеодоро-Студійской, у Никитскихъ воротъ, церкви; долгое время былъ редакторомъ-издателемъ пользовавшагося въ ученобогословскомъ мірѣ широкою извѣстностію ученобогословскаго журнала „Православное Обозрѣніе.“ Скончался въ 1893 г.

²⁾ Вышеупомянутый Ілья Васильевичъ Бѣляевъ. (Стр. 39).

Былъ на экзаменахъ въ присутствіи митрополита Филарета и предшественникъ Саввы по ректорской должности преосвященный Леонидъ.

Любопытную подробность передаетъ ректоръ Савва о поведеніи своего предшественника въ это время. „Сидя, на экзаменахъ, въ креслѣ,—пишетъ Савва,—преосвященный Леонидъ чувствовалъ себя нынче совсѣмъ иначе, нежели какъ за годъ прежде; преспокойно себѣ посматривалъ, какъ другіе съ трепетомъ предстоятъ лицу владычню“*). Вскорѣ послѣ вступленія архимандрита Саввы въ управленіе Московскою духовною семинаріею въ качествѣ ректора, въ жизни наставниковъ семинаріи произошло событіе, имѣвшее вліяніе на всю послѣдующую ихъ дѣятельность. Такимъ событіемъ было Высочайше утвержденное возвышеніе окладовъ содержанія наставниковъ. По поводу этого ректоръ семинаріи архимандритъ Савва 3-го Октября 1859 г. писалъ въ Троицкую Лавру Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Филарету: „Во исполненіе резолюціи Вашего Высокопреосвященства, послѣдовавшей на отношенія къ Вашему Высокопреосвященству отъ г. исправляющаго должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода съ извѣщеніемъ о Высочайше утвержденномъ возвышеніи окладовъ служащихъ и учащихъ при Московской семинаріи и подвѣдомыхъ оной училищахъ, начальники и наставники семинаріи послѣжили принести усердное благодареніе Богу за попеченіе начальства о служащихъ и за милость благочестивѣйшаго Государа Императора. Соборное молебствіе по сему случаю совершено было въ Николаевской семинарской церкви 3-го сего Октября.

„Но, независимо отъ сего, служащіе при Московской семинаріи и училищахъ ей подвѣдомыхъ, въ избыткѣ сердечной радости о возвышеніи ихъ благосостоянія, почитаютъ священнымъ долгомъ принести особенное низжайшее благодареніе Вашему Высокопреосвященству, какъ первому виновнику ихъ радости.

„Безъ вашего архипастырскаго ходатайства сіе, конечно, не могло бы и совершиться. Благоволите же, Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостиво принять препровождаемое при семъ отъ служащихъ при Московской семинаріи училищахъ, письменное выраженіе сыновской признательности къ высокой особѣ Вашего Высокопреосвященства за Ваше архипастырское о нихъ попеченіе“. Самый текстъ благодарственнаго на имя высокопреосвящ-го митрополита Филарета адреса отъ

*) Хроника моей жизни, стр. 477.

лица наставниковъ, служащихъ семинарій и духовныхъ училищъ по случаю возвышенія окладовъ ихъ содержанія былъ слѣдующій: „Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ! Нѣкогда сказалъ ты въ назиданіе вѣрнной тебѣ отъ Господа паствѣ: „житейское попеченіе препятствуетъ человѣку благоугодить Богу и приобрѣтать благодать Его, или сохранять приобрѣтенную. Оно развлекаетъ и смущаетъ. Отуманиваетъ око ума въ усмотрѣніи свѣта и истины. Обезсиливаетъ волю въ избраніи лучшаго“. Это слово истины Евангельской:

„И кто долженъ чувствовать живѣе потребность отнимать житейское попеченіе, и Христу Богу неугодное, и для души христіанина тягостное, кто, если не служитель алтаря Господня, и тѣ, которые призваны готовить другихъ къ служенію алтарю Господню. Сію потребность сердець нашихъ зрѣлъ ты, отецъ благопопечительный, и своими ходатайствами предъ священною державною властію, умноживъ наши средства къ безбѣдной жизни, далъ намъ большую возможность безъ развлеченія и смущенія съ неотуманеннымъ умомъ, съ волею, готовою къ избранію всего лучшаго, совершать дѣла служенія нашего ко благу церкви и отечества.

„Благодарныя сердца наши обращены ко Господу, чрезъ тебя намъ благодѣющему, съ усердною молитвою да исполнить Онъ долготою дней жизнь твою, и явить тебѣ, и въ тебѣ и намъ спасеніе свое.“ 5-го того же Октября и по поводу того же событія, возвышенія окладовъ членамъ семинарской и училищной корпорацій,—ректоръ московской духовной семинаріи архимандритъ Савва писалъ слѣдующее донесеніе исправляющему должность оберъ-прокурора Св. Синода, князю Сергѣю Николаевичу Урусову: „Служащіе при Московской Семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищахъ, обрадованные вѣстію о Высочайше утвержденномъ возвышеніи ихъ окладовъ, поспѣшили первѣе всего принести усердное благодареніе Господу Богу за такую милость къ нимъ благочестивѣйшаго Государя Императора: затѣмъ выразили чувства сыновней признательности къ своему архипастырю за попеченіе о благѣ своихъ подчиненныхъ. Но они сдѣлали бы еще не все, если бы не принесли душевной благодарности и Вашему Сіятельству, какъ непосредственному на сей разъ предстателю за нихъ предъ Державною Властію.

„Сія то чувства единодушной и глубокой благодарности и имѣю честь, какъ представитель Московской духовной семинаріи съ подвѣ-

домыми ей училищами, выразить предъ Вами, сіятельнѣйшій князь! И смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что тѣмъ искреннѣе и живѣе эти чувства въ отношеніи къ Вамъ моихъ сослуживцевъ, чѣмъ нужнѣе и благовременнѣе для нихъ была Ваша помощь къ обезпеченію ихъ существованія среди общей во всемъ дороговизны.“

Болѣе или менѣе благополучно начавшаяся дѣятельность архимандрита Саввы въ должности ректора Московской духовной семинаріи однако продолжала оставаться въ такомъ положеніи весьма непродолжительное время. Видимое благополучіе дѣятельности ея новаго семинарскаго ректора архимандрита Саввы на первыхъ порахъ объяснялось, быть можетъ, между прочимъ, и тѣмъ, что новый ректоръ не успѣлъ въ первое время сразу отдаться своей должности всей полнотою души, какъ того требовали обстоятельства представшей теперь предъ нимъ ежедневной будничной семинарской жизни. Много посвящалъ онъ времени и труда своимъ прежнимъ занятіямъ по Патріаршей ризницѣ. Недаромъ одна изъ усерднѣйшихъ великосвѣтскихъ почитательницъ архимандрита Саввы, богатая помѣщица села Кленово, Подольскаго уѣзда, баронесса Анна Борисовна Нейдгартъ въ Октябрѣ 1859 г. (17-го) писала ректору семинаріи архимандриту Саввѣ даже укоризненное по этому поводу письмо. „Мнѣ кажется,—писала баронесса А. Б. Нейдгартъ,—что Патріаршая ризница еще до сихъ поръ есть предметъ особенно нѣжной попечительности вашей. Она—безсловесное стадо ваше! Не предпочитайте же его словесному. Подумайте, сколько истинаго наслажденія принесетъ вамъ словесное юное стадо ваше, когда, преодолевъ всѣ затрудненія, вы съ такою радостію будете взирать на него какъ на достойный плодъ трудовъ вашихъ и отеческаго попеченія вашего. Тогда со всѣхъ концовъ Россіи послышится голосъ благодаренія, долетающій до васъ, къ вамъ обращенный, голосъ благодаренія за достойныхъ пастырей, вскормленныхъ вами пищею духовною и присоединяющихъ къ стаду Христову столь многое множество душъ христіанскихъ. За патріаршую ризницу похвалятъ васъ люди, а не Господь... Скажите справедливы ли слова мои или нѣтъ? Сознайтесь, что любимыя занятія ваши, а съ ними вмѣстѣ и сердце, увлекаютъ васъ больше къ патріаршей ризницѣ, чѣмъ къ Московской духовной семинаріи. Здѣсь вы боитесь утомительныхъ трудовъ, препятствій, неудачи, и мало ли чего боитесь вы? а тамъ, оконченный трудъ, успѣшно приведенное къ концу дѣло, манятъ васъ къ себѣ, лаская удовлетворенное самолюбіе ваше. Бѣдная семинарія!.. твой ректоръ еще чуждается тебя. Но подожди немного; скоро, скоро онъ съ радостію посвятитъ тебѣ всѣ способности свои.“ Достопочтеннѣй-

шая почитательница архимандрита Саввы баронесса А. Б. Нейдгартъ, конечно, преувеличенно говорила о немъ, будто онъ „чуждается“ семинаріи. Савва-ректоръ лишь всецѣло и всего себя не отдавалъ до времени вѣренному его благопопечительности учебному заведенію. Впрочемъ это можно сказать о немъ лишь относительно одного 1859 г.—перваго года его управленія семинаріею. Начиная же съ слѣдующаго 1860 г. Савва всецѣло предается заботамъ о семинаріи, изученію и направленію и всестороннему исправленію строя семинарской жизни. Съ этого же именно года для него начинается, по собственнымъ его словамъ, тяжелая година „борьбы и брани съ окружавшею его школьною средой.“ Начавшіеся еще при его предшественникѣ ректорѣ архимандритѣ Леонидѣ безпорядки въ семинарской жизни не только не прекратились въ первый годъ управленія Саввою семинаріею, но наоборотъ крѣпли и развивались все шире и шире. По прежнему иные наставники или вовсе не приходили въ классъ, или приходили очень поздно, а ученикамъ это было и на руку. Ученики при томъ до того были распущены, что и въ присутствіи наставниковъ свободно выходили изъ классовъ и гуляли по корридорамъ, курия табакъ. „Привыкши всегда добросовѣстно исполнять свои обязанности, я не могъ, — пишетъ о себѣ Савва, —разумѣется, смотрѣть равнодушно на эти безпорядки и потому долженъ былъ принимать къ ихъ прекращенію тѣ или другія мѣры. Прежде всего я сталъ часто посѣщать классы и чрезъ это какъ наставники стали болѣе или менѣе опасаться слишкомъ заглядывать приходомъ въ классъ, такъ и ученики боялись уже выходить безвременно изъ классовъ, такъ что однажды инспекторъ*), обошедши во время классовъ все корридоры и пришедши ко мнѣ выражалъ досаду. Когда я спросилъ его о причинѣ досады—онъ отвѣчалъ: „Какъ же не досадовать, когда я обошелъ все корридоры и не встрѣтилъ ни одного ученика курящаго табакъ“. — „Гдѣ же они?“, спрашиваю я. „Все въ классахъ“. — „Ну и слава Богу“, —сказалъ я въ заключеніе.

Между тѣмъ эта исправность продолжалась только до перваго отъѣзда со двора ректора. „Разъ мы съ инспекторомъ“ —разсказываетъ ректоръ Савва, —приглашены были на экзаменъ въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Это было въ послѣднихъ числахъ Мая, или въ началѣ Іюня. Возвратившись съ экзамена около половины перваго часа по полудни, мы пошли освѣжиться въ садъ.—Проходя мимо открытыхъ оконъ семинарскаго корпуса, мы услышали шумъ и крикъ учениковъ. Посмотрѣвъ на часы, я увидѣлъ, что въ это время

*) Архимандритъ Никодимъ Бѣлокуровъ.

должны были продолжаться еще классы. Я пошелъ узнать причину этого неблаговременнаго шума и крика. Вхожу кверху по лѣстницѣ и вижу: всѣ наставники стоятъ въ корридорѣ предъ классомъ и о чемъ то горячо спорятъ. Завидѣвши меня всѣ, какъ маленькіе школьники, бросились по классамъ. Во всѣхъ классахъ тотчасъ водворилась тишина, только въ одномъ продолжался еще шумъ. Вхожу въ этотъ классъ и спрашиваю чей долженъ быть урокъ. Отвѣчаютъ, такого то наставника! При этихъ словахъ входитъ въ классъ наставникъ.—Это былъ мой товарищъ по академіи Илья Бѣляевъ, преподаватель русской гражданской исторіи. Я обращаюсь къ нему съ жалобой на его учениковъ, которые своимъ шумомъ препятствовали заниматься своимъ сосѣдямъ. Въмѣсто извиненія въ позднемъ приходѣ въ классъ, мой добрый товарищъ отвѣчалъ мнѣ: „У васъ для этого есть *полиція*“,— разумѣя подъ этимъ словомъ инспекторскій надзоръ. Находя неудобнымъ и неумѣстнымъ дальнѣйшее объясненіе съ раздраженнымъ профессоромъ, я пригласилъ его послѣ класса придти ко мнѣ въ квартиру. Приходитъ гнѣвный профессоръ въ мой кабинетъ и прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать ему какое либо слово, онъ держитъ ко мнѣ такую грозную рѣчь: „Какъ вы смѣли дѣлать мнѣ публично замѣчаніе? Раньше я не могъ придти въ классъ, потому что мнѣ нужно было отправить на почту посылку. Да, я и въ четверть часа наговорю больше, чѣмъ вы въ два часа“—и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

„Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ попросить Бѣляева оставить меня въ покоѣ.

„При удобномъ случаѣ я доложилъ объ этой сценѣ митрополиту и просилъ у него наставленія, какъ мнѣ должно поступать въ подобныхъ случаяхъ. Владыко, съ удивленіемъ выслушавъ мой разсказъ, изволилъ сказать: „Я ничего подобнаго не слыхалъ отъ прежнихъ ректоровъ. Видно они, какъ воры сыщика, меня боялись. Дѣйствуй по уставу.“

„Впослѣдствіи я узналъ, что митрополитъ вслѣдствіе моей жалобы хотѣлъ профессора Бѣляева удалить изъ Московской семинаріи въ Виѣанскую.

„Между тѣмъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести это въ исполненіе, пріѣхалъ въ Москву исправляющій должность оберъ-прокурора Свят. Синода князь С. Н. Урусовъ. Митрополитъ при свиданіи съ княземъ сообщилъ ему свою мысль относительно Бѣляева; но князь

возразилъ, сказавъ: „Какъ это можно? Вѣдь Бѣляевъ принадлежитъ къ партіи славянофиловъ: что же скажетъ о насъ эта партія? Потерпите немного, мы возьмемъ его въ Петербургскую Академію, и оттуда непрерывно спустимъ“. Митрополитъ послушался добраго совѣта князя. Между тѣмъ время шло; Бѣляевъ продолжалъ пренебрегать своими обязанностями; и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ ушелъ не въ Петербургъ, а сошелъ въ могилу, оставивъ жену съ многочисленнымъ семействомъ.“

При прежней системѣ семинарскаго образованія преимущественное вниманіе обращалось на письменныя упражненія учениковъ; для сего наставники обязывались внимательно прочитывать и исправлять ихъ сочиненія, а затѣмъ представлять для просмотра ректору. До поступленія архимандрита Саввы на должность ректора въ Московскую семинарію не всеми въ точности исполнялось это требованіе, по крайней мѣрѣ, послѣдній пунктъ требованія. Ректоръ Савва сталъ требовать отъ наставниковъ прочитанныя и исправленныя ими ученическія сочиненія особенно по окончаніи учебной трети или года, когда каждый наставникъ представлялъ ему разрядный списокъ учениковъ по своему предмету, съ показаніемъ противъ каждаго изъ нихъ сколько въ продолженіи трети или года подано имъ сочиненій, на какія темы писаны сочиненія и какого они достоинства. При сличеніи этихъ отмѣтокъ съ представляемыми ректору сочиненіями оказывалось иногда не только пристрастіе въ оцѣнкѣ того или другого сочиненія, но оцѣнка дѣлалась даже сочиненіямъ несуществовавшимъ. „Я спросилъ однажды, — рассказываетъ ректоръ Савва, — у нѣкоего профессора (Пр-скаго)*) читанныя имъ сочиненія одного ученика, который показался мнѣ слишкомъ высоко поставленнымъ въ разрядномъ списокѣ. Профессоръ представилъ мнѣ сочиненія, но не все, какіе означены противъ имени этого ученика въ списокѣ. Я требовалъ остальные: профессоръ уклонялся отъ представленія ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ ихъ не можетъ отыскать, ссылаясь при томъ на свою кухарку, которая по своему невѣжеству могла-де употребить ученическія тетради на подкладку подъ пироги: объясненіе достойное ученаго профессора.

„Я позвалъ, наконецъ, самого ученика и спросилъ писалъ ли онъ сочиненіе на такую то тему: оказалось, что вовсе не писалъ, а между тѣмъ этому небывалому сочиненію сдѣлана оцѣнка; такова добросовѣтность профессора“ заключаетъ ректоръ Савва.

*) Разумѣется профессоръ свщ. Петръ Алексѣевичъ Преображенскій.

Таковы то были отношенія, существовавшія между ректоромъ Саввою и членами подвѣдомой ему семинарской корпораціи съ того времени, когда ректоръ всецѣло посвятилъ себя семинарскимъ дѣламъ.

Однажды въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Филаретомъ по поводу нѣкоторыхъ неурядицъ въ семинаріи, коснувшихся и богослуженія въ семинарской церкви, ректоръ Савва предложилъ митрополиту вопросъ: „позвольте спросить васъ, владыко святой, начальникъ ли я въ церкви надъ профессорами священниками, или нѣтъ?“ Владыка съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него. „Я не понимаю, что ты говоришь“. Я повторилъ вопросъ, объясняя ему по какому поводу я предлагаю этотъ вопросъ. Владыка на это сказалъ: „Ректоръ архимандритъ, безъ всякаго сомнѣнія начальникъ надъ профессорами и въ церкви.“ При этомъ онъ спросилъ: „Въ какомъ благочиніи числится семинарская церковь?“ Я отвѣчалъ,—говоритъ Савва,—въ томъ то. Потребовавши вѣдомость этого благочинія, митрополитъ при мнѣ же написалъ заднимъ числомъ на вѣдомости о семинарской церкви резолюцію въ такомъ смыслѣ, что настоятель семинарской церкви есть ректоръ и что ему естественно надлежитъ быть и благочиннымъ надъ причтомъ этой церкви“. Черезъ нѣсколько дней ректоръ Савва получилъ изъ Консисторіи указъ съ изложеніемъ этой резолюціи.

Ректору Московской духовной семинаріи архимандриту Саввѣ въ первый годъ его управленія семинаріею приходилось переживать „годину борьбы и брани“ по собственному его выраженію не только въ школьной средѣ, но необходимо было защищать себя и порученное ему учебное заведеніе отъ наветовъ и нареканій направляемыхъ на него и со виѣ, со стороны столичнаго общества, въ средѣ котораго нерѣдко распространялись, чаще всего газетнымъ путемъ, далеко не выгодные о немъ отзывы. Такъ въ № 62-мъ Московскихъ Вѣдомостей отъ 18-го Марта 1860 г. въ литературномъ отдѣлѣ, подъ рубрикой „Матеріалы для фізіологіи общества“ помѣщена была небольшая, но язвительная статейка о поступившемъ въ одну семинарію, около года тому назадъ, новомъ начальникѣ. Здѣсь сообщалось, что первое повелѣніе новаго начальника говорило, чтобы никто изъ учениковъ не смѣлъ читать „свѣтскихъ книгъ“; затѣмъ онъ прекратилъ изданіе литературныхъ журналовъ, затѣянныхъ учениками, запретилъ ученикамъ хожденіе въ театръ и что, наконецъ, „въ семинаріи даже мука, которою кормятъ воспитанниковъ, омертвѣла и окаменѣла.“ Имя автора этой пасквильной статьи означено было словомъ „Глаголъ“. Ректора Савву увѣряли тогда, что авторъ этой статьи никто иной, какъ исклю-

ченный изъ средняго отдѣленія Московской семинаріи ученикъ Ѳ. Гиларовъ. Принявъ эту глупую и дерзкую статью на свой счетъ, Савва написалъ на нее опроверженіе и представилъ митрополиту. Это опроверженіе было составлено въ слѣдующемъ текстѣ, между строками котораго можно усмотрѣть черты быта Московской духовной семинаріи въ тогдашнее время.

„Въ № 62-мъ Московскихъ Вѣдомостей за текущій 1860 г. помѣщена, между прочимъ, статья автора, означившаго свое имя словомъ „Глаголь“. Въ статьѣ этой выводится на сцену новый, около года тому назадъ поступившій въ одну семинарію начальникъ, и представляются его первоначальныя дѣйствія и распоряженія по семинаріи.

„По нѣкоторымъ выраженіямъ, встрѣчающимся въ статьѣ, можно догадываться, что авторъ ея имѣлъ въ виду семинарію Московскую, а подъ именемъ новаго начальника оной семинаріи разумѣлъ настоящаго ректора.

„Допустивши такую догадку, считаемъ долгомъ объяснить, сколько правды заключается въ помянутой статьѣ и какой ея смыслъ. Разберемъ каждое ея выраженіе отдѣльно.

„Первымъ повелѣніемъ его (новаго начальника семинаріи),—пишетъ авторъ,—было, чтобы никто изъ учениковъ не смѣлъ читать свѣтскихъ книгъ.“

„Первое слово и первая ложь. Такого приказанія или, говоря словами автора, повелѣнія даваемо не было и не могло быть дано: можно ли воспрещать ученикамъ семинаріи чтеніе всѣхъ безъ исключенія свѣтскихъ книгъ, когда въ семинаріи, согласно съ ея уставомъ, преподаются, наравнѣ съ духовными, и нѣкоторыя изъ свѣтскихъ наукъ, какъ то: философія, словесность, исторія, математика, физика и проч.? А если запрещалось и запрещается ученикамъ читать книги содержанія безнравственнаго, то это долгъ каждаго начальника духовной семинаріи: тѣмъ болѣе, что это требуетъ 66 ст. семинарскаго устава.

„Если кто нибудь попадался съ свѣтской книгой изъ учениковъ своекоштныхъ, то его ставили на колѣна въ столовой комнатѣ во время обѣда, будь онъ хоть богословъ, молодой человѣкъ иногда и лѣтъ 22—23-хъ.“

„Подобныхъ случаевъ, сколько могу припомнить, не было ни одного.

„Если въ такое преступленіе впадалъ ученикъ казеннаго кошта, начальникъ выключалъ его съ казеннаго кошта“.

„Случаи наказанія казенно-коштныхъ учениковъ (хотя и неисключеніемъ съ казеннаго кошта) были, но не за чтеніе свѣтскихъ вообще книгъ, а за чтеніе и притомъ не своевременное, книгъ пустого или даже безнравственнаго содержанія (каковы нѣкоторыя изъ повѣстей и романовъ). И это на основаніи той же 66-й статьи устава духовныхъ семинарій. Говорю: не своевременное. Случалось нерѣдко и самому видѣть и отъ инспектора и его помощниковъ слышать, что нѣкоторые изъ казеннокоштныхъ учениковъ читали и читаютъ повѣсти и романы тотчасъ послѣ утреннихъ молитвъ, когда всего естественнѣе ученику заниматься приготовленіемъ урока или сочиненіемъ; а также вечеромъ, во время занятныхъ часовъ, не выучивая данныхъ къ слѣдующему дню уроковъ. Бывали даже случаи, что нѣкоторые изъ учениковъ семинаріи изобличаемы были въ чтеніи повѣстей и романовъ въ классѣ, при наставникѣ.

„Спрашивается послѣ сего, можетъ ли наставникъ семинаріи безъ существеннаго вреда для духовнаго образованія допускать такое несвоевременное чтеніе книгъ, не относящихся прямо къ цѣли образованія духовнаго юношества.

„Дозволялось читать только духовныя книги“.

„Не только позволялось, но и внушалось чтеніе такихъ именно книгъ, какъ болѣе всего необходимыхъ и важныхъ въ дѣлѣ образованія будущихъ проповѣдниковъ слова Божія.

„А желательно было бы узнать различіе между свѣтскими и духовными книгами: какія относятся къ свѣтскимъ, какія къ духовнымъ и пр.“

„Пусть авторъ спросить объ этомъ cadaго ученика семинаріи.

„Рѣшено было сжечь всѣ безнравственныя книги, находящіяся въ ученической бібліотекѣ и преимущественно Пушкина, Гоголя и пр.“

„Ученическая библіотека состоитъ изъ книгъ, покупаемыхъ на деньги, добровольно жертвуемыхъ учениками. Выборъ и покупка сихъ книгъ производится къмъ либо изъ наставниковъ подъ непосредственнымъ надзоромъ семинарскаго начальства и потому книгъ безправственныхъ, достойныхъ сожженія, въ ученической библіотекѣ быть не можетъ. Если же и случается ипогда видѣть у учениковъ книги мало-полезныя и даже вредныя, то онѣ не изъ ученической, а изъ постороннихъ библіотекъ. Картина пожара, представленная авторомъ, есть не болѣе какъ плодъ его разстроенаго воображенія.

„Ученики затѣяли составлять журналы, въ которыхъ помѣщались бы лучшія сочиненія, писанные на заданныя профессоромъ темы, переводы съ древнихъ и новыхъ языковъ и еще кое какіе рассказы, повѣсти въ стихахъ и прозѣ, критики и т. п.“

„Дѣйствительно, нѣкоторые изъ учениковъ средняго, а частію и низшаго отдѣленія семинаріи предприняли было составлять журналы или точнѣе сборники статей разнаго содержанія, частію оригинальныхъ, частію переводныхъ, въ стихахъ и прозѣ. Давно ли начались эти журналы и съ чьего дозволенія, въ точности неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, ни я, ни инспекторъ до Сентября минувшаго года ничего объ этомъ не знали, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ профессоровъ имѣли о томъ свѣдѣніе, когда же я услышалъ о существованіи какихъ то журналовъ, составляемыхъ учениками, немедленно поручилъ инспектору развѣдать объ этомъ и сообщить мнѣ.

„Въ Ноябрь или Декабрь о. инспекторъ доставилъ мнѣ два выпуска рукописнаго журнала подъ заглавіемъ *Попытка*. Содержаніе перваго выпуска раздѣлено на четыре отдѣла: а) русская словесность, б) иностранная словесность, в) критика и г) смѣсь.

„Во второмъ выпускѣ только два отдѣла: литературный и критическій. Изъ статей, заключающихся въ этихъ двухъ выпускахъ журнала, нѣтъ ни одной писанной, какъ увѣряетъ Глаголь, на заданную профессоромъ тему, или переведенной съ какого либо древняго языка. Но по изслѣдованіи оказалось, что статьи, какъ оригинальныя такъ и переведенныя съ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, писаны учениками произвольно, безъ вѣдома наставниковъ; и хотя справедливо, что большая часть сихъ статей содержанія безразличнаго; но нѣкоторыя изъ нихъ (какъ напримѣръ поэма: *Ревнитель по Богу*, гдѣ въ стихахъ описывается соблазнъ евреевъ отъ Мадианитянъ, переведенная съ фран-

цузскаго статья подъ заглавіемъ *Два 48-хъ нумера*, водевилъ *Разочарованіе* и проч.) по содержанію своему никакъ не могутъ быть одобрены для духовнаго воспитанника.

„Кажется ничего лучше этого (т. е. составленія журналовъ) нельзя было придумать. Ученики приучались бы писать самостоятельно. А между тѣмъ и лишнее время уходило бы на занятія серьезныя.“ Никто не станетъ осуждать учениковъ за сочиненія дѣльныя и серьезные, хотя бы они писаны были и не на заданныя профессоромъ темы, но, во первыхъ, изъ числа статей, помѣщенныхъ въ двухъ выпускахъ помнутаго выше журнала, сочиненій дѣльныхъ и серьезныхъ оказывается очень мало, а во 2-хъ, много ли можетъ оставаться свободного времени у ученика семинаріи, если онъ въ точности и съ усердіемъ исполняетъ свои обязанности? При томъ, упражненія въ сочиненіяхъ, какія постоянно, во все время учебнаго курса пишутся учениками семинаріи на заданныя профессорами по разнымъ наукамъ темы, развѣ менѣе могутъ приучать къ самостоятельности, нежели занятія произвольныя?

„Это дошло до начальника.—Позвать писавшихъ ко мнѣ.—Тѣ явились.—Что это вы затѣяли? и пр.“

„Призванъ былъ только редакторъ журнала т. е. ученикъ, который занимался собраніемъ и частію переписываніемъ статей. И ему внушено было, чтобы онъ усерднѣе занимался своимъ, а не постороннимъ дѣломъ. Дальнѣйшій разговоръ, представленный г. Глаголемъ, также, какъ и сцена сожженія книгъ, есть плодъ его воображенія.

„Недавно вышло отъ начальника запрещеніе ученикамъ ходить въ театръ подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть исключенными изъ семинаріи за дурное поведеніе.“

„Въ такомъ запрещеніи, къ удовольствію семинарскаго начальства, не было никакой надобности: ибо казеннокоштные ученики, находясь въ корпусѣ, никогда не ходятъ въ театръ и не имѣютъ для этого свободного времени, а своекоштные находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ родителей и родственниковъ; но если бы и было сдѣлано подобнаго рода запрещеніе: то едва ли семинарское начальство заслуживаетъ за сіе упрека, если имѣть въ виду 18-е правило кареагенскаго собора, возбраняющее мірскія зрѣлища дѣтямъ священнослужителей.

„Видно хотять во что бы то ни стало остановить въ семинаріи всякое живое движеніе, омертвить ее, окаменить.“

„Позволить духовнымъ воспитанникамъ готовящимся быть проповѣдниками слова Божія и совершителями таинствъ, читать безъ разбора всякую книгу, писать о чемъ захотять, свободно посѣщать театры и всякія мірскія зрѣлища—ужели это значитъ воспрещать имъ живое движеніе? Ужели въ этомъ должно состоять приготовленіе ихъ къ будущему служенію церкви?“

„Въ семинаріи даже мука, которою выкармливають воспитанниковъ, омертвѣла и окаменѣла.“

„Это отчасти справедливо. Заготовленная въ началѣ прошлаго года до моего вступленія въ должность, ржаная мука, отъ сильныхъ ли жаровъ минувшаго лѣта, или отъ сырости помѣщенія, гдѣ она хранилась, дѣйствительно нѣсколько слеглась и къ концу года оказалась не такъ вкусною.“

„Когда митрополитъ,—пишетъ Савва,—прочиталъ мое опроверженіе, то спросилъ: „Что же, думаешь ты это напечатать!“—Нѣтъ,—сказалъ я ему въ отвѣтъ—это написалъ я не для печати, а только лишь для свидѣнія вашего высокопреосвященства.“

На изложенномъ опроверженіи ректора на статью Глаголя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ владыка написалъ отъ 20-го Апрѣля слѣдующую резолюцію: „Надобно знать, кто наставники, которые знали о предпринятомъ тайно журналѣ, и не предупредили ректора при самомъ началѣ дѣла?“

По поводу этой архипастырской резолюціи ректоръ Савва доносилъ его высокопреосвященству, что о существованіи журнала знали всѣ почти наставники.—Каковы были дальнѣйшія послѣдствія означеннаго донесенія ректора Митрополиту, неизвѣстно, но несомнѣнно, что статья упомянутая Московскихъ Вѣдомостей доставила ректору Московской семинаріи архимандриту Саввѣ не малое безпокойство. Вѣдь такъ или иначе, а статья, и особенно отвѣтныя на нее возраженія со стороны ректора, все же свидѣтельствовала о нѣкоторыхъ нестроеніяхъ въ семинаріи по части воспитательной и матеріальной. И все это безъ сомнѣнія не могло не огорчать до глубины души трудолюбиваго ректора.

Не много, повидимому, пріятнаго утѣшенія могли доставить ему и сказавшіеся на академическихъ экзаменахъ, произведенныхъ въ Августъ 1860 г. результаты по части состоянія обученія въ Московской духовной семинаріи въ періодъ управленія онаго ректора Саввы. Объ этомъ можно судить по письму къ Саввѣ тогдашняго инспектора Академіи его добраго товарища архимандрита Порфирія отъ 22-го Авг. „Изъ питомцевъ вашихъ, пишетъ инспекторъ Академіи ректору Московской семинаріи архимандриту Саввѣ, спрашивали пока только троихъ: Лебедева,¹⁾ Скворцова²⁾ и Ляпидевского³⁾).

„Только Скворцовъ отвѣчалъ слабовато; а тѣ очень изрядственно; впрочемъ и Лебедевъ по Библейской исторіи ничего дѣльнаго не сказалъ, а отъ еврейскаго отказался, несмотря на вашу аттестацію по сему предмету. Дивно и то, что онъ жалуется на приливы крови къ головѣ, которыми онъ страдаетъ будто бы около четырехъ лѣтъ, и которые не позволяютъ ему сидѣть долго въ классѣ... Чего же смотрѣлъ Рахмановъ?“⁴⁾ „Изъ вашихъ,—писалъ ректору Московской семинаріи Саввѣ тамъ же инспекторъ Академіи архимандритъ Парѣнній во вторичномъ письмѣ отъ 1-го Сентября того же года,—слабѣ другихъ по отвѣтамъ и экспромптамъ оказываются: Иванъ Успенскій⁵⁾, П. Соколовъ⁶⁾, отчасти М. Соколовъ⁷⁾, а особенно Иванъ Скворцовъ. Пер-

1) Александръ Степановичъ Лебедевъ 1-й окончилъ курсъ въ 1860 г. первымъ студентомъ въ Московской духовной семинаріи. Кандидатъ 24-го курса Московской духовной Академіи состоялъ долгое время преподавателемъ гражданской Исторіи въ Московской духовной семинаріи и нѣкоторое время, кажется не болѣе года, въ кадетскомъ корпусѣ. И понынѣ здравствуетъ и проживаетъ въ Москвѣ. Родной его братъ извѣстный ученый профессоръ Харьковскаго Университета Амфианъ Степановичъ Лебедевъ—нынѣ умершій.

2) Иванъ Скворцовъ—окончилъ курсъ семинаріи студентомъ подъ 21-мъ номеромъ. Въ томъ же 24-мъ Академическомъ выпускѣ окончилъ Академію со степенью кандидата. Скончался священникомъ въ Москвѣ.

3) Николай Ляпидевскій окончилъ семинарскій курсъ въ томъ же году пятымъ студентомъ. По выходѣ изъ Академіи обучался въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Умеръ на службѣ при русскомъ посольствѣ въ Персін.

4) Владиміръ Ивановичъ Рахмановъ—врачъ при Московской духовной семинаріи, пользовавшій и митрополита Филарета. Скончался въ семинаріи въ 1885 году.

5) Окончилъ И. Успенскій семинарскій курсъ вторымъ по списку студентомъ. Онъ принятъ былъ въ Академію, но умеръ студентомъ, не окончивши академическаго курса.

6) Петръ Семеновичъ Соколовъ—окончилъ семинарскій курсъ четвертымъ по списку студентомъ. Академію окончилъ въ числѣ воспитанниковъ двадцать шестого курса опой со степенью кандидата. Проходилъ должность смотрителя въ Коломенскомъ и Донскомъ духовныхъ училищахъ. Скончался 18 Мая 1898 г.

7) Михаилъ Соколовъ окончилъ семинарскій курсъ десятымъ по списку студентомъ. Кандидатъ Богословія того же 26-го Академическаго курса.

вымъ двумъ впрочемъ шьютъ сюртуки, а какая судьба будетъ остальныхъ, еще нельзя сказать ничего рѣшительнаго.“

Рѣшительное о судьбѣ воспитанниковъ Московской духовной семинаріи, державшихъ вступительный экзаменъ въ Московскую духовную Академію, вышеупомянутый о. Инспекторъ Академіи сообщилъ Саввѣ въ письмѣ отъ 11-го того же Сентября, слѣдующаго содержания: „Судьбу вашихъ питомцевъ вы теперь конечно уже знаете. Подробности свѣдѣній объ ихъ отвѣтахъ, коихъ вы требовали, я не могу подѣлить васъ отчасти потому, что не былъ на нѣкоторыхъ экзаменахъ, а отчасти и потому, что забылъ отвѣты нѣкоторыхъ. По патристикѣ знаю только, что отвѣчали всѣ хорошо, за исключеніемъ Михаила Соколова и Ивана Скворцова, а Александръ Лебедевъ и Константинъ Богоявленскій¹⁾ даже очень хорошо. Но зато Лебедевъ жестоко срѣзался на Гражданской исторіи, когда сказалъ, что крестовые походы были въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ²⁾. Отвѣтомъ Успенскаго особенно недоволенъ наставникъ всеобщей словесности.

„Исполняя ваше желаніе,—предусмотрительно добавлялъ въ письмѣ инспекторъ Академіи,—сообщеніемъ требуемыхъ извѣстій, усерднѣйше прошу при семъ соблюсти должную осторожность, чтобы изъ этого не вышло какой нибудь непріятности. Конечно, не всякому изъ студентовъ желательно, чтобы эти подробности были извѣстны въ Москвѣ.“ Такимъ то результатами по части административно-воспитательной и учебной сопровождалось кратковременное служеніе архимандрита Саввы въ должности ректора Московской духовной семинаріи. Недаромъ, какъ

1) Константинъ Ивановичъ Богоявленскій окончилъ курсъ семинаріи семнадцатымъ по списку студентомъ и курсъ Академіи со степенью магистра Богословія. Состоялъ свѣщ. при Успенской, въ Печатникахъ, въ Москвѣ, церкви и затѣмъ протоіереемъ Покровскаго Василія Блаженнаго въ Москвѣ собора и благочиннымъ церковей Китайскаго сорока. Прот. К. Богоявленскій состоялъ въ родствѣ съ приснопамятнымъ святителемъ Московскимъ Филаретомъ. Онъ женатъ былъ на старшей дочери бывшаго ректора Московской духовной Академіи протоіерея Сергія Константиновича Смирнова. Скончался въ Маѣ 1913 года.

2) Судьба какъ бы пророчески рѣшила однако достопочтеннѣйшему А. С. Лебедеву въ теченіе цѣлыхъ тридцати пяти лѣтъ состоять преподавателемъ Гражданской исторіи въ родной ему семинаріи. О его педагогической дѣятельности изустно передается безчисленное множество воспоминаній—перѣдко анекдотическаго свойства среди многочисленныхъ его бывшихъ учениковъ; лично намъ памятны его оригинальныя „размѣтки“ учебника и такъ называемыя „решетки“. При всемъ томъ однако уважаемый А. С. Лебедевъ всегда пользовался всеобщей любовію и уваженіемъ со стороны многочисленныхъ своихъ учениковъ.

говорять они сами о себѣ, что не безъ смущенія и трепета вступалъ онъ въ отправленіе своей должности. Но Провидѣніе приуготовляло Саввѣ еще большія испытанія и трудности, чѣмъ тѣ, которыя выпали на его долю во время управленія семинаріею.

Семнадцатаго Декабря 1860 г. вечеромъ ректоръ Московской духовной семинаріи архимандритъ Савва былъ съ обычнымъ докладомъ о состояніи семинаріи на Троицкомъ подворьѣ у митрополита Филарета. Владыко, выслушавъ докладъ ректора, между прочимъ сказалъ ему: „Я представилъ тебя на должность ректора Академіи: доволенъ ли ты будешь этимъ назначеніемъ?“ — „Такая неожиданная вѣсть, — сообщаетъ Савва, — какъ молнія, упала на мою голову: я почти совершенно растерялся, и не зналъ, что отвѣчать на данный мнѣ вопросъ. Я подумалъ про себя: я не могу справиться и съ семинаріею, какъ же мнѣ управлять Академіей? Я не прошелъ еще и одного курса въ качествѣ преподавателя догматическаго богословія въ среднемъ учебномъ заведеніи: какъ же мнѣ приступить къ чтенію лекцій по этому важному предмету, въ высшемъ учебномъ заведеніи? Поблагодаривъ владыку за эту высокую мнѣ оказываемую честь, я со слезами умолялъ его уволить меня, если можно, отъ высокой и почетной, но непосильной для меня должности. Владыка остался непреклоненъ и я долженъ былъ подчиниться его волѣ...“

Н. Кедровъ.

